

В.К.Харченко. Молодежь и сквернословие // Среднее профессиональное образование. – 2009. – № 3. – С. 139-150. – 0,6 п.л.

В.К. Харченко

МОЛОДЕЖЬ И СКВЕРНОСЛОВИЕ

В 2004 году Белгородская область выступила с программой преодоления сквернословия, проводимой под лозунгом «Белгородчина – территория без сквернословия», и важнейшей компонентой этой программы явилось планирование системы действий по преодолению сквернословия в молодежной среде. Почему именно в молодежной? Потому, что мы должны передать в будущее НЕ СОВСЕМ ТО, что получили из прошлого. И если многие и много сквернословят сейчас, то, по-видимому, необходимо не только констатировать печальный сей факт, но и предпринимать нечто такое, чтобы завтра этого зла становилось меньше, послезавтра еще меньше, хотя полностью сквернословие вряд ли исчезнет: запретный плод сладок по определению, и всегда найдутся желающие поэкспериментировать над тем, что запрещено. Мы занимаемся уже много лет занимаемся проблематикой сквернословия¹, и хотелось бы поделиться некоторыми своими соображениями по этому вопросу – как «старыми», так и новыми, недавними. Уважаемым читателям журнала предложим текст лекции, с которой мы выступаем перед старшеклассниками, перед учащимися средних специальных заведений, перед студентами в рамках курса «Русский язык и культура речи».

Начинаем мы обычно с самого главного, однако не самого известного, а именно с того, что свобода слова предполагает свободу содержания (разве что за исключением обнародования государственных тайн и приемов подготовки террористических актов!), но ОТНЮДЬ НЕ СВОБОДУ ВЫРАЖЕНИЯ.

¹ См.: О грубости и сквернословии // В.К. Харченко. Поведение: от реального к идеальному. – Белгород: Изд-во Белгородск.гос.ун-та, 1999. – С. 129-145; О сквернословии и не только // В.К. Харченко. О языке достойного человека. – Белгород: Изд-во БИГМУ, 2004. – С.29-38; В.К. Харченко. Молодежи о сквернословии // Русский язык в школе. – 1997. – № 1 – С. 97-101.

Абсолютным свидетельством поверхностной трактовки последней за последние двадцать лет и стали так называемые «инвективы». В языке есть слова, которых надо стыдиться, и чем больше стыда перед словом, тем чище речь. Зададимся вопросом, куда отнести сквернословие: в перечень пороков или в перечень болезней сознания? Вопрос, однако, поставлен не вполне корректно. Дело в том, что поначалу это, конечно же, порок, нарушение, грех. «Поначалу» – это когда человек еще может остановиться, как в ситуациях с курением, с употреблением вина. Вторую в жизни сигарету после первой, вторую рюмку спиртного употребляют скорее под нажимом, за компанию, нежели по желанию: пристрастие еще не сформировано. (Кстати, больше всех настаивают, чтобы ты выпил как раз те, кто потом про тебя же и скажет: «Нализался, как свинья!»). А вот наркотики нельзя даже пробовать, поскольку первая проба сразу же становится роковой. «*Попробуй! Все в жизни надо попробовать*» – такими опаснейшими словами-ловушками те, кто уже не в силах выбраться, тянут в пропасть за собой ближайшего друга. Итак, пока еще работает контроль сознания, сквернословие – порок, но постепенно и въедливо сквернословие оно становится болезнью, оставляющей неизлечимые следы.

В России перестроечного и постперестроечного периода сквернословие приобрело тотальный характер. Отмена цензуры, ложно понимаемая «демократия», «свобода слова» свое дело сделали (кстати, у Пушкина слово *свобода* сопровождается эпитетом *просвещенная*: Помните? “... *И над отечеством свободы просвещенной...*”). Сложившаяся ситуация со сквернословием напоминает весеннюю распутицу, когда сходит снег и мы видим всю грязь на земле, и реки весной – грязные реки. Такие обозначения, как «непечатные слова», «нецензурная лексика» теперь почти исчезли из употребления в силу этимологического дисбаланса, рассогласования: непечатные слова печатают, а при отсутствии внешней цензуры даже не ставится речь о чести самого автора, то есть о ЦЕНЗУРЕ ВНУТРЕННЕЙ. Почему так произошло и можно ли

положить этому конец, если издаются словари бранной лексики, если несколько позорных слов включено в толковый словарь, если газета или журнал печатает анекдот с непотребным словом, если даже такие авторитетные писатели, как Михаил Веллер, Дина Рубина, Сергей Есин, включают подобные слова в художественные произведения?

Сквернословие охватило почти все регионы страны. Конечно, есть села, деревеньки, где мужчинам ругаться дозволено, а женщинам – ни-ни, или где мужчины ругаются, а подростку скажут: *“Иди-ка рот с мылом вымой!”* И все же распространение этого зла чрезмерно. Сквернословие охватило почти все возрасты. В детском саду не знают, что делать с мальчиком, живущем в рабочем общежитии. Вечера он проводит на общей кухне, слушая речь старших, а наутро учит русскому языку всю группу в детском саду. Ругаются дети и подростки, юноши и девушки, молодые и немолодые мамы, люди среднего и даже пожилого возраста вопреки изречению-напутствию: «Возраст старости – житие не скверное». Сквернословие охватило почти все профессии. Когда-то говорили: «ругается, как извозчик». Транспортники и сейчас занимают одно из ведущих мест, но ведь ругаются не только водители, строители, сантехники, но и музыканты, врачи, журналисты, тренеры, руководители предприятий, профессора. Заражена сквернословием армия, но и в среднюю школу загляните – и первое, что Вы иногда услышите, хоть и не в свой адрес, так это: «Козел!» Детки не ведают, что в тюремном жаргоне этим словом называют гомосексуалиста, потому и является оно столь сильным оскорблением мужчины. Кстати, в тюремной иерархии, чем выше положение занимает босс, тем меньше он сквернословит, на это указывал Сергей Довлатов в повести «Зона». Сквернословие охватило почти все ситуации речи. А.И. Солженицын с горечью пишет о стране, где каждый второй прошел академию ругани, где ругаются не только при посадке в загородный автобус, но и в душевных беседах («В кругу первом»). Маленькая, уютная кухня. Двое. *“Ты меня уважаешь?”* И после этих слов другие слова.

Сквернословие стало выполнять функцию хезитации – заполнения пауз в разговорной речи. “Иду, блин, гляжу, блин, что-то светится, блин...” (Тверская жизнь – 1993. – 18 марта). Когда-то весь пафос радиопередач по культуре речи сводился к искоренению бесконечных «ну», «вот», «значит(ь)». На этот счет даже есть стихотворение: *Вы, это самое, того, / Когда вы говорите, / То, значит, это, как его, / Ну, в общем, не тяните. / Вот, это значит, так сказать, / Что мне хотелось вам сказать.* (А. Шибяев. Язык родной, дружи со мной). Если бы Александр Александрович писал этот стишок в наше время, он начал бы так: “*Вы, блин...*” или “*Вы, блин горелый...*”.

Распространение сквернословия привело к тому, что из области сознания оно проникло в область бессознательных процессов. Хирург не мог оперировать одну очень интеллигентную женщину, потому что, когда ей дали наркоз, она заговорила (!). Узнав об этом, я стала больше всего бояться попасть под наркоз. Даже если сам не употребляешь скверных слов, твои земляки позаботятся, чтобы ты их не забывал. Есть даже определенное заболевание – синдром Туретто, когда человек, кроме ряда других признаков этой болезни, обладает и такой особенностью: речь утрачивается, а способность к сквернословию сохраняется.

Сквернословие стало условным рефлексом у домашних животных. Нельзя пригласить никого в гости, потому что в доме говорящий не те слова попугай. Профессор рассказывал о детстве в Саратовской области, как быков пас и как бык с места, бывало, не сдвинется, пока не услышит известную триаду.

Сквернословие стало клеймом отечественной речи. Иностранцев студентов поселяют в общежитии, и первые русские слова, ими усвоенные, оказываются непечатными словами. “*Как Вы себя чувствуете?*” – задает вопрос преподаватель. Студент отвечает, как. “*Да что Вы! Нельзя так говорить!*” – “*А у вас говорят, я сам слышал!*”. Занятие продолжается. “*Какое бывает яблоко?*” – звучит вопрос. “*Зеленое, вкусное, сочное и...*” “*Да-да, я сам слышал:*

студент откусил яблоко, бросил и сказал.” Студенты, добавим, в основном мужчины, а преподаватели – женщины, и женщина, краснея, начинает объяснять значения этих слов, а иначе ее подопечные и в городе будут так говорить, а в городе пойдет волна слухов: чему их в университетах учат!

Брань есть в каждом языке. В.И. Жельвис в докторской диссертации сравнивал инвективы в 50 языках мира и установил, что ругательства с компонентом «мать» встречаются в 11 языках. Когда едешь в Венгрию, предупреждают, чтобы не произносили слова «спички», по звучанию оно совпадает с сильным ругательством. Есть даже перечни таких совпадающих слов. Но посмотрим на эти списки с других позиций, не будем поддаваться провокациям: так, как русские, никто не ругается. Вспоминается и высказывание А.М. Горького, назвавшего нашу литературу самой целомудренной в мире, а ведь Горький прочитывал целые библиотеки книг. Пусть нас кто-то ругает, пусть нам очень больно за сквернословие, но самим заявлять, что хуже нас нет – недопустимо.

В основе многих ругательств лежит идея богохульства. Оскорбление матери – это оскорбление богоматери, удар по заветному, по святому.

Что считать сквернословием? (Когда я на лекции так ставлю вопрос, даже самые ленивые хватаются начинать записывать! *“Нет, – говорю я студентам, – не дождетесь. Я знаю, что вы эти слова знаете, и вы знаете, что мне все они известны, а мы поговорим немного о другом, известном далеко не каждому”*).

Итак, мы не будем говорить слово «блин», заменяющее одно из самых сильных ругательств. Не привыкайте к этому слову.

Не будем говорить все слова с корнем *мат-* (глаголы, существительные, прилагательные). Говорите: *“Он ругается, выражается, сквернословит”*, но ни в коем случае не: *“Он мат...ся”*, что равносильно ругательству.

Нельзя вместо ругательств употреблять названия начальных букв, так как мыслим мы не буквами. В сознании и говорящего, и слушающего представлено слово целиком. Буква культурнее вас не сделает.

Не рассказывайте анекдоты, детские страшилки, не пойте частушки, *если в них есть хоть одно плохое слово*. Достаточно у нас хороших анекдотов, чтобы, не роняя себя, от души посмеяться и посмешить других. Кстати, талантливое смешное не приедается. Один и тот же анекдот, смешной случай можно рассказывать много раз, и все равно будут смеяться, то есть извиняться, что анекдот с бородой не обязательно.

Избавляемся постепенно и от слова «черт». Это тоже ругательство и, вообще, слово неженское. *Ни черта не делает! Черта с два! Черт с ней! Черти что. Какого черта. Иди к черту! Вот черт! Черт бы тебя побрал!* – весь этот чудовищный букет словесного чертополоха лишает нас ощущения «сана», «шарма».

Наконец, избавляемся и от ругательств-эвфемизмов. Эвфемизмы в речи нужны. Неприлично называть некоторые физиологические процессы, лучше заменить слово. Экскурсия продолжается уже более трех часов. Автобус подъехал к аллее парка и, показывая на небольшую будку в кустах, экскурсовод объявляет: *“А вон комбинат бытовых услуг”*. И все понимают, для чего остановка, и чистота речи не нарушена. Но никакими эвфемизмами нельзя заменить ругательства. Не говорите: *ё-моё, ёлки зелёные, ёлки-палки, бык тебе забодай* и т.д. и т.п. Рассказывают, как лингвиста сослали на лесоповал и он выругался однажды: *“Ах ты, задненебный фрикатив!”*. Человек изобрел ругательство, используя фонетическую терминологию: задненёбными называют звуки [г] [к] [х], а фрикативные – это щелевые звуки [с], [ш] и мн.др. И хотя все слова по отдельности чистые, непорочные, получилось именно ругательство, туманное и такое же нехорошее, как все ругательства. Иногда сразу и не различишь ругательства, как в повести Ирины Шамановой «Ули-

ца Пирамидальных тополей», где маленькая девочка, играя в куклы, повторяет реплику соседа: «*Да едят вас мухи!*» (Звезда. – 2007. – № 12).

В разговоре о сквернословии важно ответить на два традиционных вопроса: кто виноват и что делать. В ситуации разгула сквернословия главная вина приходится на интеллигенцию. Непечатные слова стали печатными (зачем их теперь писать на заборах?), их произносят с экранов, с трибун, их включают в толковые словари, им посвящают специальные словари, выходящие большими тиражами. Да, не по словарям учится человек ругаться, но если он видит, что такое печатают, попробуйте убедить его в необходимости наложить табу на сотни растабуированных слов! Отношение интеллигенции к сквернословию – программное отношение. Любое общество иерархично, и низшие слои (не в поведении даже, а в *идеале* поведения) равняются на высшие слои. “Не стоит село без праведника”. О чем эта пословица? Да о том, что если в селе хотя бы один человек ведет себя хорошо, светло, свято, то в селе будет порядок, будет жизнь.

Эдуард Лимонов писал в журнале “Юность”, что его герои ругаются, потому что его герои – сильные люди в сложных обстоятельствах. Молодой человек читает это заключение. Себя-то он, конечно, считает сильным, а уж свои обстоятельства редкий человек не назовет сложными.

Брань – это деньги. Словари бранной лексики сметают с прилавков, издавать их весьма выгодно, и профессура идет на это. “Не от хорошей жизни”, – скажете Вы, намекнув на гонорар, но у профессоров жизнь и не самая плохая, не самая, подчеркну я. В общей массе своей носители языка не перестанут ругаться, но интеллигент, выполняющий функцию идеалоносителя нации, может и должен не только говорить достойно, но и беречь пиетет печатного слова. Не все, что есть в жизни, должно быть в книге. Книга может оставаться фильтром коллективного бессознательного. Журналист, редактор, политик, директор, конференсье, писатель, ученый... Отношение этих людей к брани должно быть однозначно отрицательным. Мы – щит. И если мы

вставляем в газету грязь на том основании, что читать ее иначе не станут, мы сами эту грязь и швыряем в своих соотечественников и, швыряя, пачкаемся сами.

Почитайте предисловия к словарям непечатной лексики, когда составитель поименно благодарит людей, сообщивших непристойности, а также “огромную массу безымянных носителей русского языка из различных сфер русской жизни”². Не благодарность это – пощечина нам, провокация.

Попытаемся тезисно ответить на оба вопроса: почему и как? Почему распространилось сквернословие и как положить конец этому процессу? Разумеется, речь пойдет не об однозначном и единственном ответе, а о системе ответов, равно как о системе действий. Распространению сквернословия в социуме весьма способствуют следующие мифы (информационная насыщенность современной жизни отнюдь не исключила феномена мифотворчества!).

1. *Миф* о том, что сквернословие помогает выразить сильные чувства. Конечно, здесь недоработка филолога-прикладника: мы должны искать и находить формулы выражения сильных переживаний, а, набрав определенный фонд крылатых слов, пропагандировать их, внедряя в коллективное бессознательное. И в то же время популярно объяснять, что сквернословить плохо и сквернословящий, что очень важно, в глубине сознания сам осознает, что поступил плохо, потому такой каскад облегчения и не приносит, разрушая невидимый хрусталь самоуважения, на котором, собственно, все и держится в нашей психике.

2. *Миф*, как и в ситуации с алкоголем, о том, что в малых дозах и/или в определенных ситуациях сквернословие допустимо (в узком кругу, среди мужчин). Борьба с таким мифом помогает угрожающий образ джинна, выпущенного из бутылки: не остановить, не вернуть. «*Мы не ругаемся, мы разговариваем!*» – реплика, услышанная от одного из трех мужчин на остановке

² Уоллер Мак-Киенго. Словарь русской брани. – Калининград, 1997. – 264 с.

в ответ на замечание со стороны проф. И.А. Стернина. Сквернословие стало выполнять функцию заполнения пауз.

3. *Миф*, что ругаются все, а значит бороться бесполезно. В поддержку своему убеждению «приглашают» классиков, того же Пушкина.

4. *Миф* о том, что ругаюсь, когда хочу. Нет, чем больше ругательств в речи, тем «невозможнее» обходиться без них. В психиатрии известен синдром Туретто, когда человек забывает все слова, кроме «этих».

5. *Миф* о том, что сквернословие такой же недостаток современного речевого поведения, как использование иностранных слов или словесного «мусора» (*типа, как бы, короче*). Сквернословие нельзя ставить в один ряд абсолютно ни с чем, иначе мы снимаем остроту проблемы, тем более что «все остальное», даже повторы слов, необходимы говорящему как ритм самой ответственной для него повседневной речи, когда нет черновики. Впрочем, это отдельная тема.

Мы привели сейчас далеко не все проявления мифотворчества. Кстати, интеллигент (а интеллигент – это самостоятельность мышления и индивидуальная культура!) и призван плыть против течения, бороться с коварными мифами, спасать нацию. Как противостоять злу? Сформулируем семь тезисов борьбы со сквернословием.

Тезис первый. Не говорить плохих слов самому. Счет идет сейчас на единицы. Включить внутренний счетчик своего поведения, контроль изнутри (кстати, самый действенный вид контроля!). Человек может через свою речь влиять на состояние языка. Лет тридцать-сорок тому назад эта мысль казалась бы крамолрой, методологическим абсурдом. Мы твердили об объективном существовании языка, а коль скоро оно объективное, так ли уж важно, как и что я говорю, я – мельчайшая песчинка в пустыне, капля в океане других людей? Но в те же самые годы обдумывалась Львом Николаевичем Гумилевым в лагере заключенных гениальная концепция о пассионарных вспышках, об инертном (*как все*) и пассионарном (*лучше всех*) поведении эт-

носов, социальных групп и отдельных людей. Получается, что жизни небезразлично, как я живу. Значит, и я творю жизнь, идеалы, язык. Не нужно бояться быть белой вороной. “Все пусть, а я не буду”. Но для этого требуется особый вид мужества, который в старину называли доблестью, это мужество, помноженное на благородство. Позиция “Я – исключение!” трудна и притягательна для личности. Трудна потому, что дружеские взаимоотношения в жизни далеко не всегда бывают со знаком «плюс». Над тобой и смеются, и подтрунивают, и шутят, если ты в чем-то превосходишь своих друзей. Ах, ты не пьешь? Не куришь? Не ругаешься? Так если ты мне друг, я заставлю тебя выпить, я сам куплю тебе сигареты, я не позволю тебе быть чище, чем я.

Попробуйте устоять в такой позиции. Попробуйте не испугаться насмешек, презрения, даже одиночества. Молодой человек должен знать, что в жизни бывают периоды и в год, и в два, и в пять лет, когда нет рядом друзей, но есть семья (сначала родительская, потом собственная), есть учеба, работа. Отсутствие «друзей» можно и нужно выдерживать, не хватаясь за первого встречного, но и не презирая, не оскорбляя его. Позиция “Я – исключение!” притягательна потому, что отвечает глубинным потребностям личности выделиться, проявить свою уникальность. Древнейшее требование “Познай самого себя” означает задать себе высоту, сотворить свой, достойный стиль поведения.

Психолог В. Петровский проводил в детском саду интересный эксперимент. Детям было запрещено переступить проведенную мелом на полу черту, за которой ровным счетом в комнате ничего не было (и дети это видели). Экспериментатор, спрятавшись, наблюдал за детьми и видел, что все дети переступали загадочную линию. Один мальчик бросил мяч, так надо же достать. Другой шел так, что черта оказывалась между ног. Третий... Каждый нормальный ребенок готов испытать себя (Знание – сила. – 1991. – № 10). Чтобы быть «исключением», мы должны быть пассионарны, должны отказаться от инерции поведения. Мы не властны над речью других, но над

собственной речью мы властны, это наше зеркало, и пусть оно не будет грязным. Нравственная ценность физиологического целомудрия огромна. Точно так же можно беречь и целомудрие собственной речи. Если кто-нибудь один раз услышит от нас нехорошее, постыдное слово – незримую планку нашего авторитета на прежнюю высоту мы уже не поднимем. Если человек за свою жизнь не произнесет ни грубого, ни резкого, ни ядовитого, ни грязного слова – значит этот человек уже сделал великое дело, через свою речь повлиял на состояние национального языка – хранителя и конденсатора национальной совести.

Тезис второй. Нужно осознавать и ценить меру своего авторитета, свой социальный, профессиональный, семейный рейтинг. Во время лекции студент спросил меня: *“А что, собственно, плохого, если ко мне пришел друг и выплеснул наболевшее, расслабился, ну взял и выругался?”* – *“Саша, через пятнадцать лет будет у Вас дочка. Вы хотите, чтобы она пришла в гости и так расслабилась?”* Молчание. В отношении собственных детей мы не лукавим. Желаемое поведение собственных детей – это и есть самая искренняя наша установка. Если мы не хотим, чтобы так говорили наши дети, не будем сами так говорить, даже в ответ. «Оскорбление не достигает мудреца». Не думайте, не обольщайтесь, что Вас никто никогда публично не оскорбит, но это, оказывается, можно выдерживать. “Не то, что входит в уста, оскверняет их, но то, что выходит из уст”. Если копировать других, говорить, как все, то нечего потом удивляться, что не Вас послали в загранкомандировку, не Вас повысили в должности, не Вас поощрили. Едешь в троллейбусе и из окна видишь знакомого, а он не видит тебя. Великий метафорический смысл этой простой ситуации в том, что человек просматривается даже тогда, когда совсем не думает об этом.

Филологу, лингвисту, которого журналисты нередко атакуют просьбами: расскажите о происхождении какого-нибудь ругательства, объясните, за какие слова нужно штрафовать, а за какие не следует (в Белгородской облас-

ти введен штраф за нецензурные слова!), необходимо чаще оперировать к понятию ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ТАБУ: этимология ругательств не тема для обсуждения. Лучше говорить о том, например, что ИМЯ ЧЕЛОВЕКА может служить защитой от использования им бранных слов. Имя, вообще, самое положительное слово для человека, называйте друг друга как можно чаще по имени, не искажайте имя, фамилию (прозвища тоже не красят нашу национальную культуру!). Защитой от сквернословия может стать похвала, комплимент, элементарный интерес к личности другого человека. В отношении рейтинга способом сопротивления речевому злу может стать прием бойкота на поощрение (сотрудника ли, студента, школьника), и, наоборот, в системе поощрений в ситуациях повального сквернословия чистоту речи признать достойной награды, поощрения, положительной публичной оценки.

Тезис третий. Сквернословие не есть способ расслабления, а расслабление не означает вседозволенности. Увы! Мы действительно не умеем расслабляться, не владеем спектром возможностей себя побыстрее и получше успокоить. В этом спектре и умение сильно и ярко мечтать, и вполне понятное желание повертеться перед зеркалом, и высочайшее спортивное напряжение, дарующее релаксацию другим системам организма, и занятие музыкой даже на уровне побренчать для себя («Своя игра даже плохая, лучше чужой, даже хорошей» – писал из концлагеря сыну, бросившему музыку, священник Павел Флоренский), и рукоделие, и рисование, и коллекционирование, и увлеченное, неторопливое и качественное исполнение домашних дел. Расслабляться совсем не значит пить вино и сквернословить. Наше напряжение – это обычно полупряжение, мы не напрягаемся до азарта, восторга, увлеченности делом, и наше расслабление – это псевдорасслабление, мы не расслабляемся до наслаждения покоем, отдыхом, мы и в расслаблении... ждем лучшего, а лучшее – вот же оно! Смазанность напряжений-расслаблений, полуробота-полуотдых действует и утомительно, и гнетуще. . Способом сопротивления злу может стать, таким образом, более откровен-

ный разговор о трудностях работы и быта, трудностях, требующих высокого напряжения души. Как сделать это напряжение осмысленным и плодоносным, как сделать терпение – веселым, как работать с собственной жизнью – все это вопросы не только к психологу, социологу, экономисту, но и к филологу-прикладнику, владеющему фондом малоизвестных афоризмов, пословиц, крылатых слов, способных и успокоить, и поддержать. Управление коллективным бессознательным – процесс трудный, но здесь, как и в других областях деятельности, даже небольшие, но искренние усилия могут дать неожиданно большой результат.

Тезис четвертый. Как быть с другими, с теми, кто сквернословит? Нереально стоять на улице и хватать за рукав бранящихся прохожих. Мы не можем исправить общество в целом, но пресечь сквернословие внутри семьи, класса, группы можно. Даже в самой ужасной среде есть люди, к которым грязь как бы не пристаёт, есть на кого опереться, с кем вместе противостоять злу. Профессор Воронежского университета И.А. Стернин рассказывал, как в больнице отучил ругаться своих сокоечников. *“В моем присутствии они не сквернословили.”* – *“Июся, как же тебе это удалось?”* – *“А я их всех по имени звал и старался чем мог услужить: Володя, тебе ужин принести? Дмитрий Григорьевич, Вам помочь?”* Вот оно, истинно профессорское поведение, пример элиты!

Тезис пятый. В речевом поведении следует восстанавливать приоритет настоящего времени. Сегодняшний день – мой главный день. Сегодняшнее мое слово – мое лучшее слово. Национальную психологическую ориентацию (плохое *сегодня* во имя хорошего *завтра*) нужно понемногу искоренять. Эта установка потворствует и грязи в быту, и недобрым взаимоотношениям. Преодолеть поверхностное отношение к сегодняшнему дню – значит прийти на работу нарядными, навести идеальный порядок хоть в одном уголке квартиры, сердечно поговорить с человеком, удержать на языке бранное слово.

Тезис шестой. Как раньше боролись со сквернословием? Как сберегалась, контролировалась чистота детской, женской, купеческой, монашеской речи? Приемлем ли опыт прошлого? Участникам конференции в г. Киеве (1991 г.) во время экскурсии предложили зайти в часовенку при монастыре Фрола и Лавра к матери Марии. *“Может быть, мать Мария вам что-нибудь скажет!”* Мать Мария обратилась к молодому человеку лет 18-ти: *“А ты не говори плохие слова, потому что, когда человек говорит плохие слова, от него отлетает ангел”*. Страхом наказания избавляли наших предков от желания сказать крепкое словцо. Защиты не будет, крыла над тобой не будет. Человеку всегда поможет небесный кремль, только будь достоин помощи свыше. Говорилось также, что из одного источника не течет чистая и грязная вода одновременно. Нельзя молить Бога – а мольба, упования есть у каждого из нас! – и теми же устами оскорблять ближнего: наши желания не будут учтены.

Тезис седьмой. Элементы несогласия, даже речевого насилия (критики, спора, ссоры, гнева, обиды) в жизни, пожалуй, неизбежны. Ни разу не высказать своего огорчения, не поругать даже очень любимого человека, не выплеснуть обиду – возможно ли? Но и в таком состоянии желательно помнить о неприкосновенности личности, а значит о недопустимости характеристик-обобщений: *Ты вообще такой! Ты всегда так!* и о запрете на сквернословие. А если что-то с языка вдруг сорвалось, будем просить прощения. Здесь мы еще вот что скажем: ЖАЛКИЕ СЛОВА надо прощать человеку. Это мысль звучит в устах старца Зосимы из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Положим, во время ссоры вырвалось *«Я тебя ненавижу!»*, *«Ты мне не отец!»* и т.п. Будем мудрыми: наши чувства пасутся на драматических преувеличениях, и не будем на всю оставшуюся жизнь, как это иногда бывает, запоминать сказанное. Впрочем, это уже другая тема. Подытоживая разговор о скверных словах, повторим в качестве кредо: Я – исключение. Моя речь –

это мое зеркало, и оно будет чистым. Настоящий контроль – это контроль изнутри.